
Источник: Коничев К. Обратнo... : (Рассказ бывшей пожарницы) / К. Коничев // Север : литературно-художественный альманах Архангельского отделения Союза Советских писателей. — Архангельск, 1954. — № 15. — С. 137-144.

КОНСТ. КОНИЧЕВ

ОБРАТНО...

(Рассказ бывшей пожарницы)

...А звать меня Марфуша. Другим не нравится, а я от своего имени не отпираюсь. Марфуша — чем плохое имя! Настоящее северное. Даже известная сказительница Крюкова — и та была Марфа. А фамилия моя, если вас интересует, то по матери — я Афоничева, а по отцу — Мироничева. Родители мои из-за Вологды, жили невенчаные, в ЗАГС не хоженые и фамилий не менявшие. В школу я ходила Мироничевой. В паспорт записалась Афоничевой. Нескладно жизнь начиналась, а дальше вроде бы и налаживаться стала. Туговато было после войны сразу, из-за трудностей да недостатков и пришлось в город уехать — искать где лучше. Дома-то у себя в колхозе земли много, а работать было некому: кто на новостройки, кто в другие области — кто куда перебрался. Мама и спроводила меня в сорок шестом в город... А я девка не промах, не худо и в городе жила. Всё время шла в гору!..

А теперь решено: еду обратно на родину, за Кубенское озеро.

Не такая уж я молодая, как вам кажется. Шестой год на третий десяток. И не замужем. Вот вернусь в колхоз да в МТС поступлю, там и судьбу свою устройю... Да, да, знаю. Замуж выйти не так-то просто. Все женаты-переженаты, а девок — хоть отбавляй.

Вас интересует, как я в городе поживала, чем занималась? Длинна сказка, всё-то рассказывать... Ну, да ладно, в дороге чем больше заниматься? Расскажу.

Сначала, в сорок шестом, поехала я в Москву. Пожила, пожила у знакомых, ну никак меня милиция не прописывает. Узнала, что в Ленинграде легче устроиться с пропиской и рабо-

той, продала шаль, валенки, одну юбку и поехала. Хотела обмануть железную дорогу — подешевле прокатиться, взяла билет только до Калининна. Вот проехала до Калининна, а в Бологое меня высаживают и предъявляют штраф. Отдала штраф, ну, думаю, чёрт с вами, всё равно без билета доберусь до Ленинграда, и вот не вру — на шести товарных поездах добиралась до Колпина. А там доехала на дачном. Выхожу на платформу, сажусь на сундучок и начинаю плакать. Долго ли плакала — не знаю, подходит носильщик с бляхой № 88 и спрашивает: не обокрали ли меня в дороге? Мне до этого и в голову не приходило, а тут носильщик сам научил, как надо его разжалобить. Взяла да и бухнула: — «Обокрали, — говорю, — из-за пазухи четыреста в платке вытащили». — «А паспорт цел?» — спрашивает он. — «Цел, — говорю, — в сундуке...» Слово за слово, куда да зачем я приехала. Носильщик оказался добрый-предобрый, тоже из наших, вологодских, с тридцатого года в Ленинграде, на Староневском проживает. Он меня и пригласил к себе на временное жильё. Взял мой сундучок, ремнём перехватил, через плечо перекинул и сквозь вокзал повёл меня на площадь, а радио так и ревёт, так и ревёт: «Остерегайтесь, граждане, карманных воров, не доверяйте ваших вещей посторонним лицам, доверяйте носильщикам, запоминайте их номера». Иду я за носильщиком на Староневский, и слёзы высохли, и думаю: «Мне-то не трудно запомнить такой номер, как ни переверни — восемьдесят восемь». Пришла к носильщику. Живёт он вдвоём с молодой женой. Вижу, порядка у них никакого. А жена у него проводница между Ленинградом и Мурманском и отлучается надолго — ей некогда. Поселилась я у этого доброго человека: у меня своё одеяло и подушка, а матрац деревянной стружкой набила во дворе овощного магазина. Живу-поживаю, работёнку себе подыскиваю. В комнате такой порядок навела, так всё вымыла, вычистила, выстирала и чужие чулки заштопала, что носильщик меня похвалил и в награду подарил все порожние бутылки; за них я выручила сразу шестьдесят семь рублей и пятьдесят копеек. — «Только, — говорит, — не хвастай моей супруге.» Ну, та приехала с мурманским поездом, сначала на меня глаза вылупила, бог знает, что подумала, а потом и той я полюбилась. Жила я у них в углу недели две с половиной, а потом вдруг — счастье: носильщик сказал мне, что нашёл для меня хорошее место, только не официальное, а так — в няньки-прислуги в семью к одному технику, зубному специалисту. Жить надо — взяла я свой сундучок, адрес этого техника и — марш на Обводный канал... Вам может не занятно всё это знать, можете не слушать, перестану говорить, но я иначе и рассказывать не

умею как от начала и до самого конца, чтобы не сбиться или: чего не забыть...

И вот, значит, поступила я на готовые харчи и на двести рублей в месяц. Спросила двести — носильщик вразумил, — а: техник, не говоря ни слова, согласился. Ну, тут было работёнки! Квартира в две комнаты, окна большие. Хозяин любил порядок, а хозяйка только и знала, что в постели лежала да курила, да ещё на прогулку к Варшавскому вокзалу с собачонкой ходила: от двух до четырёх часов. А с ребёнком трёхлетним — я; на кухне первое и второе научилась готовить — я; в магазин, в очередь — я; везде — я! — И мыть, и стирать, и всякую дрянь убирать... Вижу, две сотни не даром мне даются. И что не нравилось мне — это религия. Хозяйка иконы в углах развесила, а прямо над кроватью на стене ковёр: тигра полосатая вышита и рвёт когтями белое тело женщины. Что и за вкусы у людей... Я по музеям ходила — таких диковин не встречала. Бывало, она, хозяйка-то, и в церковь с дитём соберётся. А он уж говорит чисто и всё понимает. Техник-то, Иван Павлович, тот неверующий, а жену перевоспитать никак не может, да и не старается. Как-то в воскресенье после обедни техник спрашивает ребёнка:

— Миша, где ты был с мамой?

— В цирке. (Ребёнок почему-то церковь и цирк называл одинаково).

— Клоуна там видел?

— Видел.

— А что он делает?

Миша и говорит:

— Клоун машет чашечкой, дым пускает (это значит кадилом чадит!), а потом мне вина дал на ложечке. Я спасибо не сказал, и больше он мне не дал вина...

Хозяин мой выслушал ребёнка и говорит жене: — «Вот что, Марго, ты не морочь ребёнку голову, не ходи больше в церковь. Меня из-за этого твоего поведения могут из поликлиники перевести куда-нибудь в Ладогу, либо в Капшу, а я не хочу...» Дальше-больше. Пошли у них нелады. Узнала я, что женат он на вдове. Первый муж у Марго пивными ларьками ведал, разбогател на пиве; всего назабрал и от рака умер. А этот техник к ней в дом вошёл. Стал жить-поживать да её добро проживать. Почему-то денег им не хватало...

Полгода я жила, а столько он вещей промотал — ужас! Вот однажды эта самая Марго взяла ребёнка и меня, пошли по её бывшему мужу панихиду служить на кладбище. До этого купила она бутылку кагору и одна выдула за помин его души. Попу заказали панихиду. Тот записал и сказал, что очередь»

дойдёт часа через два-три. И вот её кагор разобрал, и завопила она, убиваясь головой о крестовину, да самым-то настоящим причетом, как старуха деревенская, стала выкладывать, будто перед живым, перед покойным мужем все свои невзгоды. И всё-то на могиле перечисляла из вещей, пропитых Иваном Павлычем: и бельё-то, и костюм он загнал через комиссионный, и буфет и шифоньер пропил, и диван, кожей обитый, и бекешу, и прочее-прочее, всё в слезах вспомнила, да руками по дерну похлопает и спрашивает:— «Чуешь ли ты, муженёк, за какого я проживателя вышла?..» Я сижу с Мишенькой, цветы нюхаю да смеюсь. Поп с дьяконом подошли — и те, послушав её, засмеялись. Им надо панихиду петь, а моя хозяйка и говорит:— «Подождите, я своему покойничку ещё некоторые факты выложу»— и начала снова:— «Любезный ты мой, расхороший, да помнишь ли ты зеркало, что в простенке стояло,— и то продал мой новый муженёк. Две скатерти самолучших плюшевых и оба фикуса вместе с кадками загнал...»— напевает, а у самой слёзы по щекам и по шее ползут под кофту. Ну, думаю, серость ты, серость!.. Тут поп не вытерпел и, не спрося у неё позволения, махнул кадиллом, затянул: «во блаженном успении вечный покой», а сам не старый, косится на неё, растрёпу, и чуть не хохочет...

Дальше у Марго мне стало не житьё. У самих концы с концами не сходятся, зачем чужого человека держать? Пошла в профсоюз, прошу дать мне официальную должность, поскольку я член и за восемь месяцев взносы уплатила честно. В профсоюзе я так бойко себя вела, так нашумела, что председательница взяла телефон, набрала номер и спрашивает:— «Это МВД?..»— Тут я сердцем дрогнула, а язык своё:— «Я вам ничего плохого не сказала, только требую избавить меня от нессоветского влияния и дать мне официальную должность, а МВД тут ни при чём, у меня паспорт и прописка ещё на целых полгода». — А председательница по телефону и продолжает:— «Вам в пожарную часть не надо ли боевую девушку? Я вам её сейчас направлю».

И вот я у пожарников. Сознанием обладаю, а образование у меня всего только шесть классов. Я им в стенгазету заметки пишу, предложения вношу, гляжу — через четыре месяца меня в комсомол вовлекают. Пожалуйста! Я и в общежитии стала ответственной за комнату. Строгость завела такую, что от начальника и парторга только одобрения и слышу. На пятый месяц у меня на сберкнижке было почти две тысячи! Я из этого капитала маме перевела четыреста; себе — туфли, часы, вот эти на руку, два платья. Наша Афоничева защеголяла — себя не узнаёт!.. Пока вахтёршей служила, в вечернее время своё образо-

вание до седьмого класса довела, свидетельство получила. Пожарники, известное дело, некоторые постовые любил в дым напиться, а я по доброте своей за иного пьяного встану на пост и с каланчи в бинокль посматриваю вокруг. Четверть города как на ладони. А моё дело дым определить, который из трубы, который от пожара, и если от пожара, то телефон и звонок к моим услугам. Случаев с происшествиями не было. Дальше в лес — больше дров. Меня профессия постового не устраивает, я хочу иметь настоящую пожарную квалификацию с повышением жалования. Иду к начальнику охраны, выкладываю ему всю логику: учите меня, хочу знать, как машины пожарные устроены! Нынче ведь не водой тушат, а химией. Будьте добры, я и химию должна знать. Начальнику моя бойкость очень понравилась, он за то, чтобы я была с квалификацией, но говорит: — «Мы, товарищ Афоничева, пожары не планируем, мы хотим, чтобы их никогда совершенно не было. Изволь, я тебя определю на курсы специалистов по профилактике, то есть по предотвращению загораний...» — Тут я многое узнала насчёт неисправности дымоходов, электропроводки и газификации, и опять — повышение по службе и в окладе. Девятнадцатый съезд что сказал? Чтобы каждый советский гражданин имел ряд профессий и не был на всю жизнь закреплён за одним местом. А я что? Не вечно же мне вокруг каланчи крутиться! Сознательность растёт? — растёт. Захотелось на бухгалтерские курсы. Учусь. Ох и люблю я бухгалтерскую работу — чистая, интеллигентная! На счётах побрякивай, ноль пишешь — два в уме... Дебет, кредит, сальдо — слова-то какие!.. Хотя я ещё не успела в бухгалтерии поработать, но люблю эту работу. Может быть в МТС пригожусь и по этой части. Мама, конечно, знает, что я из города обратно в деревню еду. Телеграмму дала. Ну, слушайте дальше. В стенной газете критику развела, не взирая на погоны и лица; потом была секретарём комсомола у себя там, в пожарной части. Парторг и говорит: — «Мы тебя, товарищ Афоничева, полагаем в партию принять...» — Я сама подумывала об этом, да не смела как-то разговор прямо завести. Написала заявление, на первичной единогласно приняли. Жду дальше, что райком скажет. В общежитии строгие порядки навожу, да со своей строгостью чуть-чуть и переборщила. Хотя и дело-то, послушайте, выеденной скорлупы не стоило. В общежитии нас было четверо: к некоторым барышням кавалеры приходили. Пришёл — так посиди, а как двенадцать часов ночи — уматывайся. Закатился тут к одной соседке парень подвыпивший, то да сё, тары-бары развели, я гляжу на свои ручные позолоченные, время — полпервого. Прошу чужого кавалера покинуть.

общезитие. Он мне грубить. Соседке по общезитию тоже грубость сказал. А меня в таких случаях лучше не задевай. У меня характер вологодский, я, может, в отца уродилась, материнская фамилия значения тут не имеет. Подошла я к посетителю и спокойно говорю:—«Уходите, товарищ-гражданин, или я считаю до трёх!» Он не слушается. Я — раз, два, три — да как схвачу его за ворот пиджака и поволокла в коридор, вытолкнула на лестницу и — двери на крючок. Только и было. Свет погасила, разделась и — спать. Специально меня за грубое обращение не вызывали, а когда принимали в кандидаты партии, секретарь райкома напомнил о грубости. Только и я не промах, ответ дала правильный. Тут стали меня штудировать по политическим вопросам. Один хроменький, вроде профессора, на бюро заседал, тот спросил меня:—«Какие события вы знаете в истекшем году?»— Я ему как по конспекту, без запиночки:— «Исполнилось пятьдесят лет нашей Коммунистической партии; состоялся исторический сентябрьский Пленум по вопросам сельского хозяйства; разоблачена шайка бандитов-заговорщиков...» Всё рассказала. «Садитесь». Проголосовали единогласно...

Советский город выпустил меня в деревню партийным человеком... А собраться обратно не трудно. С деревней тяжелей расставалась: там дольше жила. Да и маму было жалко. Нехорошо без матери жить. Почитала-почитала я нынче газеты, и снова интерес к деревне появился. Пришла к начальнику и говорю:— «Подавайте расчёт, сдаю койку и постельное, еду в колхоз — чего тут мне небо коптить...» Он — хоть бы слово против сказал! Наоборот даже:— «Поезжай, — говорит, — в деревне народ ужасно нужен. Да работай, как у меня работала — честь будет тебе и хвала.» — Отпустил и за две недели вперёд жалованье выдал. Он хороший, пошутить любит. Прямо жалко такого начальника. У него весь аппарат без взысканий, а представьте — сколько подчинённых! Наш брат тоже всякие. Кто с борку, кто с сосенки. Не кирпичи, не все одинаковы. Поди, уладь со всеми-то...

Спрашиваете — чем займусь в деревне? Одно ясно — без дела не посижу. Вот тут везу в сундучке семян разных овощных — садить — не пересадить. Чего раньше не росло, нынче и то испробуем. И тыкву, и перец стручковый, и свёклу кормовую и сахарную, и кукурузу, и всё, что хотите. Я хоть и немного в деревне работала, а знаю — если за землю любя, обеими руками ухватиться, она в долгу не останется. Отблагодарит. Точно так же и скотина — любит человеческое обхождение... Сама чего недокумекаю — агроном подправит. Работы не испугаюсь.

Одним словом, наша Марфуша не с пустыми руками к себе в деревню возвращается. Тут вот у меня книжек разных по колхозному производству штук шестьдесят. И как высокие удои получать, и как жеребят, телят и поросят выращивать по новым способам! И насчёт кур и уток брошюры есть, и в помощь трактористам и комбайнерам — каких только книжек мне не насовали. Не совру, сама ни одной не купила, всё подарено на прощание, а больше всех подарил начальник охраны. Он ещё меня напоследок озадачил: — «Ты, — говорит, — Марфуша... — то есть, он так сказал... — Ты, товарищ Афоничева, девушка боевая, но с грубинкой, таким, — говорит, — трудно в жизни приходится. Учти это. Сейчас не учёшь, потом поймёшь...» — Поняла я его с полуслова. Действительно, бывала я и с ним резковата. И как-то пожалела и прослезилась, но своё сказала: — «Смирённую-то всякий заклевать может, нет уж, — говорю, — без нужды и надобья никому уступочки не сделаю, если правда на моей стороне...» — А он засмеялся и в лоб меня принародно поцеловал. Я даже не покраснела. Рассталась со всеми по-хорошему. Просили писать меня и подружки из общезития, и пожарники из части, как я там, у себя в колхозе, стану процветать. А я страшно люблю получать письма, да и сама отписывать горазда. Дадите адрес — и вам напишу. Гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда могут встретиться. Всё зависит от желания. Ой, забыла вам сказать, что перед поездкой домой я за Ленинградом побывала в одном совхозе, где уток — тысячи, да ещё в колхоз имени Маленкова за город Лугу ездила и там у двух птичник-куроводок опыта нахваталась. Вдруг, да применю у себя. А курицы, вот поверьте, у них такие дородные красавицы, а сколько яиц они несут! Это не худо! Я раззадорилась и купила три десятка яиц от породистых кур, да двадцать штук в Гатчине прихватила утиных, пекинской породы. И не беспокойтесь: доведу в целости, разве маме две штучки дам, а остальные — все на подсадку.

... Как вы думаете, ежели под курицу утиные яйца подложить, выведет она утят? Должна — я так думаю... У нас там хорошие заводы есть для разведения плавающей живности. Уткам раздолье. Летом их и кормить не надо, сами наедятся: в заводах да курьях травка-корешки, букашки-мошки, мелкие рыбёшки — всего вволю. Ну, в зимнюю пору в птичнике будет им свой рацион помесечный, у меня уже и расписание полное составлено... Что смеётесь? Думаете, утки да куры ещё за скорлупой, а я доходы от птицефермы подсчитываю? Сама понимаю — до этого годик-другой пройдёт, но добыюсь — будьте уж уверены! Вот приезжайте к нам, увидите! Сейчас моя станция, мне выходить.

Помогите вещички из вагона вынести. Ведь, наверно, никакой дьявол меня не встречает? Извините, напрасно опять грубанула: вон, кажись, гнедая кобыла по кличке «Рапсодия», в дроги запряжённая — это из нашего колхоза. Милая ты моя, она и есть!

... Скажите, а вы не знаете, что означает «рапсодия»? Для лошади это слово не оскорбительно?.. Не оскорбительно — я тоже так думала. Бывало, ветеринар её этаким именем окрестил во младенчестве, когда кобылица подсоском была. Будьте здоровеньки, до свиданьица, до встречи у нас в колхозе за Порозовицей. Попрежнему деревня Привольем называлась, а сейчас без меня колхозное укрупнение произошло. Да спросите прямо про Афоничеву — люди знать будут: было бы желание, а разыскать любого человека не трудно. А вон, под часами, у почтового ящика, моя мама меня дожидается. По моей телеграмме выехала. Вот и приехали! Берите чемодан, который потяжелей, и — айда за мной...

— Мамонька, родненькая, здравствуй! Дай-ка я тебя поцелую. Как ты осунулась без меня за эти годы, сколько я тебе беспокойства причинила! Дорогая, мамочка моя, больше мы не расстанемся...
